

Там, где рождаются мифы

Рецензия на книгу: Шнирельман В. А. (2024) В погоне за предками: Этногенез и политика. М.; СПб.: Нестор-История

ДМИТРИЙ В. ВЕРХОВЦЕВ

Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-9232-2952.

Рекомендация для цитирования:
Верховцев Д. В. (2024) Там, где рождаются мифы. Рецензия на книгу: Шнирельман В. А. (2024) В погоне за предками: Этногенез и политика. М.; СПб.: Нестор-История. *Социология власти*, 36 (4): 231-241
<https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-4-231-241>

For citation:
Verkhovtsev D. V. (2024) Where Myths Are Born. Review of: Shnirelman V. A. In Pursuit of Ancestors: Ethnogenesis and Politics. Moscow; St. Petersburg: Nestor-History, 2024. *Sociology of Power*, 36 (4): 231-241
<https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-4-231-241>

Поступила в редакцию: 04.08.2024; прошла рецензирование: 10.11.2024; принята в печать: 03.12.2024
Received: 04.08.2024; Revised: 10.11.2024; Accepted: 03.12.2024

© 2024 by the author.
This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Наиболее продуктивной формой рецензии, пожалуй, является рассмотрение новой книги в контексте дискуссии, в которую она делает вклад, формулируя новую реплику в большом диалоге. Однако такой подход является нетривиальной задачей для рецензируемой монографии и для книг Виктора Шнирельмана вообще, так как чаще всего исследования автора охватывают сразу несколько взаимосвязанных проблемных полей, легко пересекая дисциплинарные и методологические границы. Так как автор не ставит в центр своей работы полемику с другими исследователями, и в большей степени основывается на непосредственной деконструкции источников, в этой рецензии будет сделана самостоятельная попытка вписать книгу в контекст некоторых дискуссий релевантной тематики.

231

Информация о финансировании: работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-00241); организация, осуществлявшая финансирование, — Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (ИЭА РАН). Acknowledgements: this work was supported by the Russian Science Foundation (project № 22-18-00241); the funding organization was the Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (IEA RAS).

Термин «этногенез» в названии работы указывает на довольно специфический жанр историко-антропологического исследования, распространенный в основном на постсоветском пространстве, и в определенные периоды считавшийся одним из важнейших (с. 5). Исходя из названия и вопросов, которые автор сформулировал во введении и ответом на которые является книга (с. 5-6), мы можем сделать вывод о принадлежности «Погони за предками» к сфере истории отечественной гуманитарной науки, и это, конечно же, верно. Действительно, в каждой из шести глав героями являются прежде всего ученые, в том или ином качестве участвовавшие в разработке этногенетической тематики; в ходе своей научной деятельности они также создавали «этноцентристские этногенетические мифы», и именно этой «третичной этнической мифологии... о деяниях отдаленных предков или древнего народа» посвящена книга по собственному признанию автора (с. 8).

Однако если фокус смещается на «продукт» этногенетических исследований, на этногенетический миф, то это уже не вполне сфера науки, а сфера политики, которая следует в названии вслед за «этногенезом», и значит, книга также относится к тематике изучения национальных идеологий и теории нации, вполне органично вписывается в дискуссии о природе национализма, связанные с этническим прошлым и использованием мифов в нациестроительстве (например, см. обзор: [Смит 2004]). Важно отметить, что эти три важнейших аспекта: история советской науки, этнонациональные мифы и национальная политика — рассмотрены в работе комплексно, во взаимовлиянии друг с другом, на временном отрезке от XVIII века до начала 1950-х. Первая глава носит характер теоретического введения, и повествует о том, что такое «этнонациональный миф», а также рассматривает его атрибуты и дает обзор исследований. При этом она также перебрасывает мостик к последующим частям и намечает тему взаимодействия мифа с наукой и государством. Вторая и третья главы сосредоточены на конкретном материале, и показывают историю работы с национальным мифом в российской науке от XVIII века до 1930-х годов. В соответствии с экстерналистской методологией (с. 12) формирование исследовательских направлений внутри науки рассмотрено с учетом влияния контекста, прежде всего запросов государства и идеологических влияний. Четвертая глава переносит фокус рассмотрения на конкретные этногенетические нарративы, созданные наукой и интеллигенцией национальных сообществ на территории сначала Российской империи, а после — Советского Союза, как они использовались в политической борьбе новых национальных административно-территориальных образований между собой и с центром, как продвигались одни версии нарративов и вытеснялись другие, и как поддержка

неугодных нарративов становилась поводом для репрессивных действий государства.

Пятая и шестая главы перемещают фокус на советское государство как актора, и описывают усиление государственного контроля с конца 1920-х над научной деятельностью и недавно созданными национальными автономиями. В пятой главе показано, как «год великого перелома» сталинской политики обернулся разгромом советских гуманитарных наук, а только что созданные в ходе коренизации элиты национальных автономий оказались под катком репрессий и жесткого идеологического контроля. Шестая же, завершающая глава описывает, как советская наука пыталась встроиться в новые отношения с государством и стать кузницей идеологических исторических концептов. Таким образом, в разных частях книги перечисленные темы — наука, национальный миф, государство, национальное строительство, идеология и национальная политика — переплетаются и выступают частью исследовательского нарратива в разных сочетаниях и пропорциях.

Этногенез как жанр отечественной науки, безусловно, давно заслуживал внимательного рассмотрения: почему именно в советской/постсоветской науке он получил столь гипертрофированное развитие, и по-прежнему остается популярным, несмотря на закат (а точнее — стагнацию) примордиалистских взглядов на этничность, которые когда-то его породили [Верховцев 2024: 48, 53]? Этот вопрос был бы интересен не только с фокусе истории науки, но и с точки зрения исправления репутации отечественной антропологии/этнографии, исследования которой даже в постсоветское время извне представлялись порой как «лишенные теоретического наполнения» и имеющие «описательный характер, тяготеющие к истории и подчеркивающие специфику изучаемой культуры» [Вердери 2006: 45]. Однако если истории советских теорий этноса посвящено достаточно большое количество критических монографий и статей¹, и это вытеснило примордиалистские воззрения на периферию научного сообщества, то этногенез не подвергался столь масштабной деконструкции, и фактически остался не только уважаемым жанром, но и убежищем, где вольготно чувствуют себя концепции «этноса». И вот выход данной монографии наконец закрывает эту лакуну в отечественных исследованиях, и надо признать, что если «этнос» деконструировала целая группа российских антропологов, то заслуга по деконструкции «этногенеза» фактиче-

1 Наиболее крупные работы: [Тишков 2003, 1997] и [Филиппов 2010], не считая значительного количества отдельных статей и нескольких дискуссий в журнале «Этнографическое обозрение» в 1990-е и 2000-е годы.

ски принадлежит одному Виктору Шнирельману, который начиная со статей начала 1990-х открыл данное направление критики ([Шнирельман 1993, 2003] и др.) и разработал многочисленные кейсы построения и использования в политике этногенетических мифов в СССР и на постсоветском пространстве. Накопленный огромный фактический и концептуальный материал позволил автору очертить на этот раз пути и судьбы жанра этногенеза за весь раннесоветский период в целом, увязав их с государственной политикой и региональными особенностями.

Если для исследования жанра «этногенеза» «В погоне за предками» — это флагманская работа, конкуренцию которой могут составить разве что другие работы Виктора Шнирельмана, то что можно сказать о другом поле, которое освещает книга — поле раннесоветской национальной политики? Учитывая, что описывающие его документы отложились в архивах постсоветского пространства и написаны преимущественно на русском языке, и, учитывая сохраняющуюся со времен перестройки популярность темы, мы могли бы предположить, что она уже достаточно хорошо освещена, и в первую очередь отечественными исследователями. Однако дело обстоит не совсем так: тема действительно хорошо освещена, но самые важные концептуализирующие работы о раннесоветской национальной политике были написаны за пределами бывшего СССР. Три самые известные и высокоцитируемые монографии были рождены в англоязычной ([Хирш 2022; Мартин 2011] и франкоязычной ([Кадио 2010]) академиях. Отдельные важные и интересные работы, вышедшие на постсоветском пространстве, касались либо конкретных регионов, либо весьма частных аспектов советской национальной политики. Вероятно, такая ситуация была вызвана особенностями исследовательских стратегий в разных академических традициях. Постсоветская исследовательская модель, наследующая советской, прежде, как правило, всегда была нацелена на собирание и описание максимального числа материалов по теме, которые подвергаются очень ограниченной концептуализации, в отличие от западной академии, где чаще всего приветствуется формулирование сильного нового аргумента, заявления, основанного на материалах, которые могут и не носить достаточно фундированного всеохватного характера. Важно, что аргумент формулируется в любом случае и подводит окончательный или промежуточный итог исследованию, что облегчает читателям задачу ознакомления с текстом, а коллегам-исследователям — задачу включения результатов чужой работы в собственные построения. Благодаря подобному подходу мы знаем важные аргументы, выдвинутые упомянутой имперской трилогии (имперской — так как в названиях всех трех книг упоминается слово «империя»), что одной из причин сворачивания

коренизации и «великого отступления» [Мартин 2011], или «руссоцентрического поворота», [Бранденбергер 2017] в национальной политике и идеологии был крах большевистских планов по привлечению на свою сторону зарубежных наций через принадлежащие к ним группы, проживающие на территории Советского Союза (Мартин). Работа Кадио ясно показывает, что сама по себе политика коренизации не была изобретением большевиков, и во многом наследовала практикам, предлагавшимся и осуществлявшимся задолго до Октябрьской революции. Хирш делает еще более сильное заявление, показывая, что коренизация базировалась на довольно прямолинейной реализации большевистского понимания стадийных марксистских теорий, а отход от нее начался тогда, когда, по мнению советского руководства, ожидания от такой политики оказались нереализованными, или реализовывались слишком медленно.

Пожалуй, рецензируемая монография — удачный пример совмещения подходов отечественной и зарубежной академий, где действительно фундированная работа с источниками и литературой является основой для выдвижения ярких и понятных аргументов, касающихся обсуждаемой темы (о форме и языке этих аргументов еще будет сказано ниже). Действительно, огромное количество работ, написанных за три постсоветских десятилетия о создании этногенетических мифов и использовании их в советской национальной политике, требовали сведения в общую историографическую модель, что и сделано в рецензируемой книге. Вероятно, эта задача тем более легко далась автору, что многие конкретные кейсы этнонационального строительства были проработаны им самим в предшествующие десятилетия ([Шнирельман 2003, 2006; Shnirelman 1996 и др.]). «В погоне за предками» органично вписывается в пространную уже дискуссию о советской национальной политике, продолжая линию раскрытия роли в ней советских ученых-гуманитариев, начатую Хирш и Кадио. Но в новой книге этнографы и историки показаны не в качестве экспертов по культурному и языковому разнообразию (значение этой роли в первой половине 1930-х сильно упало), а в качестве творцов этногенетических мифов, позволявших выстраивать в СССР иерархии национальностей и легитимизировать новое национально-административное деление страны, причем в этой роли они оказались не менее важны для советской власти, вот только не как эксперты-практики, а как творцы идеологического нарратива. В этой связи можно сказать, что в поле исследований советской национальной политики «имперская» трилогия с выходом работы Виктора Шнирельмана превратилась в тетралогию, обратившись к которой мы можем получить максимально полное представление о «национальном» аспекте раннесоветской эпохи.

Прежде чем приступить к более подробному обсуждению содержания книги, стоит указать на незначительные неточности в изложении фактов, которые не оказали влияния на общую канву, и будут упомянуты для возможности исправления в будущих изданиях. На стр. 163 написано, что Петр Преображенский являлся деканом этнологического факультета МГУ с 1925 по 1931 год, со ссылкой на статью Юлии Ивановой; однако в этой статье показано лишь, что Преображенский занимал на факультете должности председателя Этнографического отделения, заведующего кафедрой общей этнологии, а также заведовал Историко-этнологическим кабинетом [Иванова 1999: 245]. Деканом же этнологического факультета все годы его работы (1925–1930) был историк В. П. Волгин [Лагно 2009: 147]. Также на стр. 149 указано, со ссылкой на работу Юрия Килина, что в состав т.н. «Финляндской народной армии» входили преимущественно русские, однако, как показывают недавние работы Е. А. Балашова, русские занимали только старшие командные должности в этих подразделениях, тогда как на средних и младших командных должностях и среди рядового состава преобладали финны, ингерманландские финны и карелы, которые были специально мобилизованы в Карелии и некоторых районах Ленинградской области [Балашов 2020: 147].

236

Что касается общего содержания, то прежние работы Виктора Шнирельмана порой критиковались за превалированием изложения эмпирического материала над его концептуализацией, критиковались как жестко [Панченко 2017], так и более завуалированно [Штырков 2018]. На первый взгляд «В погоне за предками» могла бы вызвать к себе такого же рода замечания, учитывая соотношение материала и его прямых теоретических осмыслений, однако это тот случай, когда первое впечатление ошибочно. Не касаясь предыдущих работ автора, можно указать, что в рецензируемой монографии он довольно ясно и объемно расписал свою методологию: во-первых, это упоминавшийся выше экстернализм, а во-вторых, инструментализм и конструктивизм (стр. 6–7), то есть вскрытие полноты фактов истории науки и государства и демонстрация интересов и действий участвующих акторов для объяснения рождения той или иной этногенетической концепции, создания института или трагической судьбы ученого-этнографа. Этнонациональные мифы, как мы увидели из содержания книги, это пересечение интересов огромного числа научных, но прежде всего — государственных и общественных акторов, поэтому сведение всей сложности взаимодействия этих сил к простым и однозначным моделям было бы недопустимой редукцией. В русле описанной методологии вполне естественно, что модель формируется непосредственно нарративом источника — опасность редукции меньше, но и прочитать концепцию автора, изложенную языком цитат из литературы и архивных

документов, безусловно, гораздо более сложная задача, или, как писал в своей рецензии на книгу «Колено Даново» Сергей Штырков, такое чтение «требует серьезной интеллектуальной работы» [2018: 195].

В то же время нельзя сказать, что автор оставляет своих читателей на голодном пайке и полностью избегает прямых концептуальных обобщений. Кажется очень важным, что несколько теоретических моделей, которые начали оформляться в предыдущих работах Виктора Шнирельмана, получили в данной книге окончательные формулировки, подтверждение и яркие иллюстрации. В частности, загадка уникального положения этногенетических исследований в СССР и постсоветских странах, которая занимала автора по меньшей мере три с половиной десятилетия, наконец оказалась сформулирована при помощи помещения этногенеза в тот самый контекст эпохи и рассмотрение его в ткани современных ему политических процессов. «Изучение тенденций в этногенетических исследованиях, — пишет автор, — позволяет проследить определенную цепную реакцию: этногенетический германский экспансионизм породил ответный этногенетический славянский экспансионизм, а это, в свою очередь, вызвало соответствующий ответ со стороны других неславянских народов бывшего СССР, прежде всего тюркских» (с. 480). К сожалению, за рамками книги остается вопрос, почему после краха германского фашизма и отхода от этногенетических построений в немецкой историографии, советская историческая наука продолжила заниматься этногенезом, хотя новый идеологический соперник — коллективный Запад — совсем иным образом обосновывал свои претензии на правильность своей версии мироустройства; полагаю, книга Виктора Шнирельмана сформировала надежный базис для исследования и этого интересного вопроса.

237

Остановливаясь на заявленной автором методологии экстернализма, можно утверждать: рецензируемая книга, очевидно, значительно усилит позиции этого подхода в отношении исследований истории науки раннесоветского периода. Виктор Шнирельман показывает, что хотя в советских историографических работах огромные дискуссии 1930–1940-х было принято рассматривать как внутринаучное явление¹, в действительности они в значительной степени возникали и направлялись из-за внешних реорганизационных мероприятий, идеологических кампаний и репрессивной политики партийного руководства (с. 349). Пожалуй, в этом состоит

1 До сих пор популярны работы об этом периоде истории науки, написанные уже после распада СССР, однако также апеллирующие скорее к интернационалистскому объяснению «разгрома» рубежа 1920–1930-х, главным образом речь о статье [Слёзкин 1993].

большая задача, объединяющая все главы работы: выявить не просто влияние государства на науку в раннем СССР, но и показать, каким образом это влияние осуществлялось, в какие периоды усиливалось и почти заменяло собой формирование повестки изнутри науки. И хотя исследовательская несвобода ученых в сталинский период давно является общим местом научных работ, однако важно, что это представление подтверждено и проиллюстрировано большой массой эмпирического материала, а механизмы прямого управления наукой, созданные функционерами советского идеологического аппарата, показаны на чрезвычайно ярких примерах.

Нельзя обойти вниманием и то, что в рассматриваемой книге предлагается довольно проработанная периодизация истории гуманитарных наук в России и СССР, которая названа автором несколько скромнее — периодизацией истории этногенетических исследований, основанной на изменении целей исследований и роли политической обстановки (с. 8). Хотя такого рода структурирование в последние годы часто отвергается специалистами как избыточный позитивизм, однако периодизации все-таки могут играть важную роль, если не являются собственно целью исследования, а устанавливают понятную и обоснованную терминологию для дискуссии. Они играют роль расчерченной карты недавно открытого материка, помогающей ориентироваться другим исследователям, и периодизация, предложенная Виктором Шнирельманом, наверняка займет именно такое место в сфере истории гуманитарных наук и исследований национальной политики СССР.

Еще одной важной мыслью является объяснительная модель, почему советская этнография в части концептуализирования и теоретизирования так сильно разошлась с зарубежной антропологией, что, в дополнение к языковому барьеру, породило взаимное непонимание и порой взаимную невидимость, которые отчасти сохраняются и сегодня. «Именно в те годы, — пишет автор, — произошел существенный перелом в нашей науке, и многие идеи, теории, подходы, даже сама система рассуждений, господствовавшие в ней до конца 1980-х гг., восходили своими корнями к предвоенным и первым послевоенным годам» (с. 397). Конкретно, как показано в монографии, серьезная проработка советских этнографов в начале 1930-х, проходившая параллельно с репрессиями против многих видных ученых, надолго заставила выживших отказаться от широких теоретических обобщений и сравнительных исследований. «Этот сознательный редукционистский подход... привел к искусственному изъятию культуры материальной из контекста живой культуры. А при полном игнорировании функционалистского подхода, считавшегося в те года “буржуазным извращением”, это привело к появлению массы чисто описательных этнографических работ, авторы которых даже не пы-

тались поставить их в какой-либо теоретический контекст. Вот где обнаруживаются корни сугубо эмпирического подхода, долгие годы царившего в советской этнографии» (с. 354).

Наконец, заканчивая тему обилия эмпирического материала в рецензируемой книге и завершая рецензию в целом, нельзя не отметить научный альтруизм автора, который не просто формулирует при помощи текста источников собственные объяснительные модели, но и открывает эти тексты огромному числу исследователей, подвизающихся в различных тематиках, затронутых материалом данной работы. Очевидно, важной задачей автора было не только создать собственную концепцию осмысления открытого материала, но и помочь идущим по его стопам ученым увидеть объяснения интересующих их вопросов смежных полей в новых корпусах источников, типах документов и литературе. Виктор Шнирельман прежде говорил в интервью, что многие его работы, такие как «Происхождение скотоводства» [Шнирельман 1980], «Возникновение производящего хозяйства» [Шнирельман 1989] или обзорные статьи по этноархеологии (1970–1990-е) преследовали цель познакомить отечественных ученых с новыми подходами и источниками и вовлечь их в решение глобальных теоретических проблем, что, по его словам, не всегда заканчивалось успехом. Однако хочется надеяться, что, во-первых, в отечественной науке во многом все-таки преодолена травма 1930–1940-х принудительной дескриптивности, а во-вторых, актуальность монографии для дня сегодняшнего не только позволит ей найти своего читателя, но и приобрести продолжателей концептуальных построений автора, а также творцов новых теорий и концепций.

239

Библиография / References

- Балашов Е. А. (2021) «Освобождение» Финляндии 1939–1940, СПб.: Б. и.
— Balashov E. A. (2021) “Liberation” of Finland 1939–1940, Saint Petersburg: without a publisher. — in Russ.
- Брандербергер Д. Л. (2017) *Сталинский руссоцентризм. Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956)*, М.: Росспэн.
— Brandenberger D. L. (2017) *Stalin's Russocentrism. Soviet Mass Culture and the Formation of Russian National Identity (1931–1956)*, Moscow: Rosspen. — in Russ.
- Вердери К. (2006) Возвращая антропологов в славистику. *Ab Imperio*, (1): 39–60. EDN PCGAJH.
— Verdery K. (2006) Bringing Anthropologists Back to Slavic Studies. *Ab Imperio*, (1): 39–60. — in Russ.
- Верховцев Д. В. (2024) Этническая история и ethnohistory: внешние сходства и внутренние отличия. *Этнографическое обозрение*, (2): 46–67. DOI 10.31857/S0869541524020036. EDN CLHKJW.

— Verkhovtsev D. V. (2024) Ethnic history and ethnohistory: external similarities and internal differences. *Ethnographic review*, (2): 46–67. — in Russ.

Иванова Ю. В. (1999) Пётр Фёдорович Преображенский: жизненный путь и научное наследие. В сборнике: Тумаркин Д. Д. (ред.) *Репрессированные этнографы. Выпуск 1*, М.: Восточная литература: 235–264.

— Ivanova Yu.V. (1999) Pyotr Fyodorovich Preobrazhensky: life and scientific heritage. In Tumarkin D. D. (ed.) *Repressed ethnographers. Issue 1*, Moscow: Eastern Literature: 235–264. — in Russ.

Кадио Ж. (2010). *Лаборатория империи. Россия/СССР, 1890–1940*, М.: НЛО. EDN QPQХТР.

— Cadiot J. (2010) *Laboratory of the Empire. Russia/USSR, 1890–1940*, Moscow: New Literary Review. — in Russ.

Лагно А. Р. (2009) Ректор Московского университета В. П. Волгин в оценках современников. *Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество)*, (4): 145–166. EDN KZDRCH.

— Lagno A. R. (2009) Rector of Moscow University V. P. Volgin in the assessments of contemporaries. *Bulletin of Moscow University. Series 21. Management (state and society)*, (4): 145–166. — in Russ.

240

Мартин Т. (2011) *Империя положительной деятельности. Нации и национализм в СССР, 1923–1939*, М.: Росспэн. EDN QPSAAZ.

— Martin T. (2011) *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*, Moscow: Rosspen. — in Russ.

Панченко А. (2017) Рец. на кн.: Виктор Шнирельман. Арийский миф в современном мире: В 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 536 с.; 440 с. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»). *Антропологический форум*, 33: 125–137. EDN ZDJPAH.

— Panchenko A. (2017) Review of the book: Victor Shnirelman. The Aryan Myth in the Modern World: In 2 volumes. Moscow: New Literary Review, 2015. 536 p.; 440 p. (Library of the journal “Neprikosovenny Zapas”). *Anthropological Forum*, 33: 125–137. — in Russ.

Слёзкин Ю. Л. (1993) Советская этнография в нокдауне: 1928–1938. *Этнографическое обозрение*, (2): 113–125.

— Slezkine Yu.L. (1993) Soviet Ethnography in Knockdown: 1928–1938. *Ethnographic Review*, (2): 113–125. — in Russ.

Тишков В. А. (1997) *Очерки теории и политики этничности в России*, М.: Русский мир. EDN SDUYGX.

— Tishkov V. A. (1997) *Essays on the Theory and Politics of Ethnicity in Russia*, Moscow: Russian World. — in Russ.

Хирш Ф. (2022) *Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза*, М.: НЛО.

— Hirsch F. (2022) *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*, Moscow: New literary review. — in Russ.

Шнирельман В. А. (2006) *Быть аланами: интеллектуалы и политика на Сев. Кавказе в XX веке*, М.: НЛО. EDN QPBWKZ.

— Shnirelman V. A. (2006) *To be Alans: intellectuals and politics in the North Caucasus in the 20th century*. Moscow: New literary review. — in Russ.

Шнирельман В. А. (2003) *Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье*, М.: Академкнига. EDN QOSRDB.

— Shnirelman V. A. (2003) *Wars of Memory: Myths, Identity and Politics in Transcaucasia*, Moscow: Akademkniga. — in Russ.

Шнирельман В. А. (1980) *Происхождение скотоводства (культурно-историческая проблема)*, М.: Наука. EDN SAUSDP.

— Shnirelman V. A. (1980) *The origin of cattle breeding (cultural-historical problem)*, Moscow: Science. — in Russ.

Шнирельман В. А. (1989) *Возникновение производящего хозяйства*, М.: Наука. EDN RVTGNX.

— Shnirelman V. A. (1989) *The emergence of a productive economy*, Moscow: Science. — in Russ.

Шнирельман В. А. (2003) Этногенез и идентичность: националистические мифологии в современной России. *Этнографическое обозрение*, (4): 3–14. EDN OORJAZ.

— Shnirelman V. A. (2003) Ethnogenesis and identity: nationalistic mythologies in modern Russia. *Ethnographic review*, (4): 3–14. — in Russ.

241

Штырков С. А. (2018) Катехон как категория православного сознания: очерки русской политической эсхатологии: Рец. на кн.: Виктор Шнирельман. *Колено Даново: эсхатология и антисемитизм в современной России*. М.: Изд-во ББИ, 2017. *Антропологический форум*, (39): 193–212. EDN YRVQTR.

— Shtyrkov S. A. (2018) Katechon as a Category of Orthodox Consciousness: Essays on Russian Political Eschatology: Review of the book: Victor Shnirelman. *The Tribe of Dan: Eschatology and Anti-Semitism in Modern Russia*. Moscow: BBI Publishing House, 2017. *Anthropological Forum*, (39): 193–212. — in Russ.

Shnirelman V. (1996) *Who gets the past? Competition for ancestors among non-Russian intellectuals in Russia*, Washington D.C., Baltimore & London: Woodrow Wilson Center Press and Johns Hopkins University Press. EDN RRFVWH.

Верховцев Дмитрий Владимирович — стажер-исследователь Института этнологии и антропологии Российской академии наук. Научные интересы: история советской этнографии, этничность, этнические категоризации. ORCID: 0000-0001-9232-2952. E-mail: dverhovtcev@gmail.com

Dmitry V. Verkhovtsev — research intern at the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. Research interests: history of Soviet ethnography, ethnicity, ethnic categorizations.

ORCID: 0000-0001-9232-2952. E-mail: dverhovtcev@gmail.com